

Борисовна

# Встреча с Жолдаком запланирована на полдороге

Независимая - 2005 - 9 сент. - с. 6.

Галина Волчек готова проделать свою половину пути

Григорий Симонов

«Современник» откроет сезон чуть позже других главных московских театров. По традиции он работает весь июль, когда другие отдыхают, Волчек говорит, что в это время приходят в театр те, кто хочет, а не те, кто может попасть. Новый сезон для театра – юбилейный. В это трудно поверить, но «Современнику» исполняется полвека.

**Г**алина Борисовна! Не знаю, как вам в юбилейном году переключить прошедший сезон «Современника», который стал едва ли не главным сезоном Москвы. Что касается «Голой пионерки» и «Черной ласточки», то вы буквально отняли у Центра драматургии и режиссуры лавры первооткрывателя новой драмы.

– Что касается «новой драмы», то я вообще против навешивания всяческих лозунгов, эталонов, я не понимаю, что такое «новая», я понимаю – хорошая и плохая. Мне тоже кажется, что у нас был очень удачный сезон – двери юбилея. Моя гордость в том, что мы сумели достроить эту сцену и что за год сделали интересный репертуар для Другой. Для меня была невероятно важна Другая сцена. Через многие споры мы ее назвали «Другая» и никак по-другому, не потому что в чем-то важном она противоречит «Современнику» – ни в коем случае нет, но просто это поколение не просто на 30–40 лет нас моложе, они другие, чем мы, на эти самые 30–40 лет. Для меня Другая – это абсолютное истинное понимание эксклюзивного назначения, пространство, где позволено быть абсолютно радикальным экспериментам, которые, может быть, для большой сцены сегодня были бы рискованными. Хотя риск сопутствует моей жизни и как руководителю – постоянно. Когда вы серьезно оцениваете «Голую пионерку», меня это радует невероятно, потому что мы отдали дань Великой Отечественной войне не только этим спектаклем. Когда-то я поставила, в том числе в



Галина Волчек привыкла рисковать.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

тиль: «Я знаю, что вас ТАМ на руках носили, но мы знаем, какие подвиги советских людей показывать, а какие нет, нам эти подвиги не нужны». А речь шла о женщинах, детях, старухах, о тех, кто не призван быть героями, которые без оружия в руках оказались подлинными, настоящими героями.

– Есть ли ощущение, что и сейчас есть заказ на то или

то или иное высказывание. Равно как я считаю, что работа Игоря Кваша и «Полет ласточки», не говорю уже о «Шинели» (потому что вся критика этот спектакль приняла, а это уже опасно, но счастлива, что Валерий Фокин вернулся в альма матер со своим спектаклем и роль, которую обожает Марина Неелова, это тоже для меня немаловажно), – очень своеобразный подход к этой теме, в которой совершенно замечательно сыграл Игорь Кваша, это была его актерская мечта сыграть Сталина.

В общем, я рада за этот сезон, хотя сама ничего не ставила и в новом вряд ли до этого дело дойдет. Для того чтобы театр сегодня функционировал, жил активной жизнью, я должна забыть про себя.

– Вы считаете себя несостоятельной?

– Нет, время, которое ушло на строительство, на выпуск этих спектаклей, заняло абсолютно все пространство внутри меня. Сидела на репетициях, занималась всем, что вокруг этого, этой стройки, сцены, как ее оснащают и не оснащают и т.д., и т.д.

– Мне кажется, это не очень хорошо – и то, что вы не собираетесь ничего ставить, и то, что не собираетесь ничего играть.

– Я ничего не загадываю, потому что для меня самое главное, чтобы жил театр, чтобы свершились те планы, которые намечаются. В сегодняшней ситуации, кризисной абсолютно, впервые вы, наверное, от меня это слышите, потому что я всегда боролась с тем, чтобы этот кризис внедряли в наше сознание. Кризисная ситуация возникла не у нас в театре, а вообще. Кризисная ситуация в репертуарном театре, а я верю только в такой театр, где есть коллектив если не единомышленников, то стремящихся к единомыслию и умеющих принимать эту веру и за нее бороться. Я вижу, как разрушается все, что для меня является театром, всеми возможными способами: внедрение в головы только знаковых вещей, неглубинных, картонных, никого не интересующих, – вот как есть глянцевого журнала, так и есть глянцевого театр. Не важно, состоит он из чернухи или из впрямую глянца, из знаковой системы, которая якобы должна что-то обозначать... Не всегда, к сожалению,

выражает. Форма необходима, но поиск этой формы не должен быть самостоятельным. – **Станиславский и Невро-вич-Данченко в какие-то моменты уходили в эксперименты. Может такое случиться, что вы отдадите «Современник», большую сцену кому-то другому, а сами уйдете заниматься экспериментом на Другой сцене?**

– Да нет. Может, я и буду заниматься экспериментом на Другой сцене, это будет зависеть от того, где и как я буду востребована, если здоровье Бог ушлет. – **У меня иногда такое ощущение, что тот репертуар, который сложился на Другой сцене, естественно так сложился, но почти что стихийно. Из того, что было заявлено, пока не выпустил спектакль только украинский режиссер Жолдак...**

– Самый скандальный проект, ожидаемый всеми, и мной в том числе, но это входит в ту кризисную ситуацию, о которой я начала говорить. Сегодня составить план невозможно. Он зависит от автора, когда он закончит – не закончит пьесу, от режиссера, у которого есть планы за рубежом, там, сям, особенно, скажем так, у модных персонажей, а такие почти все новые режиссеры...

– **Только они ставят по-разному, скажем, Чусова – у меня такое впечатление, что ей другую кровь закачивают, когда она приходит в «Современник».**

– Слава Богу, я счастлива, поскольку Нина опять, она для нас совершенно не чуждый человек, не случайный. Дай Бог, она благополучно станет матерью и сразу начинает работать у нас. Мне тоже кажется, что ее самые сильные спектакли сделаны в «Современнике». Не знаю – почему, но факт такой. Жолдак, он мне звонит то из той страны, то из другой, он очень хочет этого эксперимента – он его боится, так же, как и я его боюсь. Я честно с ним обговорила и сказала, что ни я вас не интересую, той, какая я для вас сегодня, ни вы меня – тем, за что вам крылья пришивали где-то на фестивалях. Мы интересны друг другу только на полпути от вас ко мне, от меня к вам. Вот если эти полпути случатся – слава Богу, не случатся... Я всю жизнь рисковала.

## Я верю только в такой театр, где есть коллектив единомышленников

разных странах мира, включая Америку, куда была именно с ней приглашена, пьесу «Эшелон», и в то время это тоже было абсолютно недопустимое решение привычной к тому уже моменту проблемы показа войны. И когда я, вернувшись и видя, какой необыкновенный успех эта моя постановка пьесы Рощина имела в Америке, позвонила тогдашнему руководителю телевидения и предложила оставить это на пленке, он отве-

иное видение войны со стороны публики и заказ – не знаю уж со стороны кого, – но ведь принята же сейчас государственная программа патристического воспитания на 2006–2010 годы?

– Мне кажется, что «Голая пионерка» очень светлый спектакль, и я никак не воспринимаю упреков тех, кто кидает камни. Я говорю о спектакле, а не о первоисточнике, который всегда повод для режиссера на